

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3(2=411.2)6-8Пришвин М.,4

Всеединство природы и человека. 145 лет русскому писателю М.М. Пришвину

Н.В. Борисова

Аннотация. В статье анализируются основополагающие аспекты творческого наследия М.М. Пришвина, центральной идеей которого является этическая и культурно-эстетическая философия Всеединства. Писатель рассматривал свою прозу как дорогу к космической целостности бытия, как материализацию связи человека с миром. Главным в пришвинском дискурсе является образ мира как целого.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, природа, человек, культура, писатель, Всеединство, космос, мир.

О замечательном русском писателе его собрат по перу и современник К.Г. Паустовский писал: «Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина».

145 лет назад 23 января (по ст. ст.) 1873 г. в усадьбе Хрущёво Елецкого уезда Орловской губернии родился мальчик, который откроет тайны жизни природы не только в ее эстетическом, но и в глубочайшем философском, мировоззренческом смысле. Его жизнь началась по заведенному для состоятельных сословий порядку. Десятилетним мальчиком он поступил в Елецкую классическую гимназию, которую не закончил, так как был исключен из 4 класса по докладной записке учителя географии В.В. Розанова, будущего известного русского философа. (Позднее они встретятся в Санкт-Петербурге, и смущенный В.В. Розанов примирительно заметит: «Вам это на пользу пошло».) Юноша все-таки продолжил обучение в Тюменском Александровском реальном училище (ему помог дядя, богатый пароходчик), затем — в Рижском политехникуме. Однако из-за перевода с немецкого языка запрещенной книги Л. Бебеля «Женщина и социализм» он был арестован и полгода провел в Лифляндской губернской тюрьме, затем около полугода — в одиночной камере Митавской тюрьмы (Елгава, Латвия). В то время писатель придерживался марксистских взглядов. После освобождения М.М. Пришвин три года прожил в Ельце, а затем продолжил учебу в Германии в Лейпцигском университете на философском отделении. В 1902 г. в Париже он встретил русскую студентку В.П. Измалкову, сделал предложение, но получил отказ. История этой любви представлена в автобиографическом романе «Кашеева цепь», в повести «Жень-шень», поэме «Фацелия».

Наталья Валерьевна
Борисова,
*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина,
кафедра всеобщей истории
и историко-культурного наследия,
профессор,
доктор филологических наук*

Вернувшись в Россию, будущий писатель пытается обрести себя, ищет «формулу» жизни и находит ее в словесном творчестве. В 1907 г. М.М. Пришвин публикует в Санкт-Петербурге свою первую книгу-очерк. Ее полное название: «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края с 66-ю рисунками по снимкам с натуры автора и П.П. Ползунова» [1]. Начало было весьма удачным. «Почему я путешествовал? — вспоминал он позднее. — Потому что я хотел изучить язык. Я отправился на Север, где говорят чисто древним языком, как, например, в Олонецкой губернии... Там я с утра до ночи записывал сказки, песни, былины и таким образом сильно расширил свои знания по языку <...>. Путешествовать — это значит видеть впервые вещь, необходимую для писателя» (беседа Пришвина с литкружком завода «Серп и молот» 14 февраля 1935 г. — ЦГАЛИ, архив М.М. Пришвина).

В Санкт-Петербурге писатель знакомится с элитой русской интеллигенции: Д. Мережковским, З. Гиппиус, А. Блоком, А. Белым, М. Горьким и многими другими философами, художниками, публицистами.

Постепенно он уходит от марксистских убеждений к идеям *жизнетворчества*, понимаемого как единство жизненного и эстетического. В это время активно осваивает жанр повести, рассказа. Самые значительные произведения петербургского периода — «За волшебным

колобком», «Черный араб», «У стен града невидимого», «Крутоярский зверь». Писатель выступает не только как прозаик, но и как автор дневника, который постепенно превратится в дело всей жизни.

Революцию 1917 г. М.М. Пришвин воспринял как «страшную катастрофу». В 1918 г., получив от крестьян «выдворительную», вынужден был покинуть отцовское Хрущёво. Тяжелые, голодные революционные годы «перемогал» сначала в Ельце, а затем на родине жены в деревне Следово Смоленской губернии. Впечатления от своих «хождений по мукам» отражены в повести «Мирская чаша», которая была опубликована только в конце 1980-х годов.

Вернувшись в Москву, М.М. Пришвин работает над романом «Кашеева цепь», опубликованным в V и VI томах выходившего в 1927–1930 гг. семитомного собрания сочинений [2].

К началу 1930-х гг. М.М. Пришвин — признанный прозаик, автор знаменитых охотничьих и детских рассказов, хотя его литературная репутация была весьма неоднозначна: его называли «попутчиком», «ассоциальным писателем», «мистиком». Сам себя он именовал «советским юридическим». В 1933 г. писатель публикует свою повесть-поэму «Жень-шень», где создает символический образ творческих сил жизни в природе и человеческой душе, тех созидательных сил, которые соединяют миллионы людей в их многовековой истории и благодаря которым существование сохраняется и изменяется к лучшему. Повесть переведена на многие языки.

На склоне лет писатель создает грандиозный философский роман-сказку «Осударева дорога». В год Великой Победы в 1945 г. появляется сказка-быль «Кладовая солнца», а затем ее сюжетное продолжение «Корабельная чаша». Эти книги входили в школьные списки необходимой для прочтения литературы.

Поэзия целостного мира

М.М. Пришвин — глубоко национальный писатель. В его художественном мире живут «полесники», «клюквенные бабы», кричат «от любовной радости» прыткие зайцы, «выкликают солнце журавли», здесь «дышит» русская природа с ее зверьем, потаенными тропами, природными стихиями. Это чудесный русский мир большого художника в его звуках, ароматах, красках, сменах времен года. Писатель умер 16 января 1954 г., оставив в наследство своим читателям упрямую волю — жить в радости — вопреки трагическим событиям своего века. Он один из самых удивительных русских писателей, в жизни и творчестве которого есть немало загадок, прошедший непростой жизненный путь и разделивший собственную судьбу с трагической историей России первой половины XX века.

Писатель настолько многолик и сложен как в прозе, так и в дневниковом дискурсе, что трудно выявить какую-то главную линию в его размышлениях-вопросах, основную тему творческой судьбы. Поражает амплитуда этических и эстетических размышлений художника: здесь и многолетний интерес к «философии жизни», интуитивизму, средневековой мистике, прагматизму и даже марксизму; раздумья о философских открытиях мыслителей разных эпох и народов. Но, по

его собственному признанию, он был близок к философии «русского космизма», особенно к идеям таких мыслителей, как В.С. Соловьев (религиозно-философский космизм), К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский (естественно-научный космизм).

Главным инвариантом этой философии стала идея *Всеединства*, которая была центральной в художественном сознании писателя. У М.М. Пришвина зарождалось какое-то интуитивное, глубокое чувство целостности мира. В его прозе и дневниках слова «весь», «вся», «единство», «целое», «целостность» становятся главными ключевыми знаками, символизирующими стремление писателя выразить онтологическую¹ связь человека со всеми проявлениями космической жизни, но далеко не всегда он находил необходимое единство всего со всем. Окружающее казалось непрочным, иллюзорным, двойственным: «...Все колеблется, мерцает, двоится... Поднимаются на воздух деревья, люди, дома. Камни, дубы, даже самая земля, покрытая зеленью, — все превращается в прозрачный, как стекло, пар. И через минуту опять каменеет, и через другую опять летит... ни за себя, ни за что вокруг не ручаешься» [3, т. 8, с. 19].

М.М. Пришвин во многом парадоксален. Тончайший знаток природы, которого она, казалось, выбрала своим представителем, ненавидящий насилие, агрессию, до седых волос был азартным охотником, стремясь при этом найти некое оправдание в желании смотреть на охоту, как на «форму поэзии»: «Мы едем по следам на песку... Сколько следов!.. По долине идут архары, много... идут спокойные в горы спать... Какая чистота... Как не хочется стрелять... Живут эти звери такой чистой жизнью никому не обязаны... Какое двойственное отношение: невероятно жалко, и стреляю» [3, т. 8, с. 55]. Особенно остро этот парадокс отзовется в повести «Жень-шень».

Не только близкие писателю люди лишены целостности, но и сама земля, Россия, его «журавлиная Родина», в годы исторического лихолетья «теряет себя». М.М. Пришвин, «вечный странник», «калика переходящий», беззаветно принадлежит той тайной матушке Руси-России, «которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых непредвидим, начало неизвестно» [4, с. 33]. В повести «Мирская чаша» она живет во тьме, и власть тьмы, вымороченное время зла царят на русской равнине. Но и теперь, на исторических сквозняках, внутри заблудившейся России таятся целительные силы, ибо в глубине своей она — страна, где «невозможное возможно», и где даже время зла содержит в себе зерна будущего преобразования и просветления Родины.

«Злая история» меняет людей. В Санкт-Петербурге, в среде рафинированной интеллигенции, у многих представителей литературной элиты — «два лица». Литературный наставник писателя А. Ремизов, «отвергающий народ и потихоньку роющийся в Дале в погоне за народными словами» [5, с. 230], «Розанов со своим православным язычеством» [4, с. 300], Мережковский — «светлый иностранец», «писатель для Европы о России» [4, с. 308].

М.М. Пришвин мечтает о целостности, стремится к единству противоположностей, прежде всего в себе, в об-

¹ Онтология — раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, его наиболее общие сущности и категории, структуру и закономерности.

М.М. Пришвин на даче в Пушкине Московской области (лето 1945 г.)

разе собственной жизни. Он пытается разбить скорлупу своего «Я», выйти к «Другому», к «Ты», выйти из себя «маленького» в окружающий мир. Целостность, связь человека с окружающим миром становится центральной идеей жизни и творчества, его философским кредо.

Стоит подчеркнуть, что философия *Всеединства* как онтологический принцип, конечно, не являлась открытием писателя, ибо эта вечная идея разрабатывалась в разные времена: и в системах Платона, и Плотина, и в христианской патристике, и в философии В.С. Соловьева.

В творчестве писатель словно прокладывает свою дорогу к единству в природе, в жизни человека, социума, к единству индивидуального сознания с космическим разумом, с «солнечной мыслью» — дерзкий, многотрудный путь в неизведанное, где «Я» сливается с «Мы», где человек и природа нераздельны. Эта идея у него не дана в готовом виде, она лишь задана. В ней возможно все: и отрицательные потенции, и глубокие трещины, и даже провалы, но вместе с тем все виды движения так или иначе связаны с ней. Писатель называет это сущностью жизни. Главное для него понятие — «вещество жизни», близкое к теории о биосфере русского ученого В.И. Вернадского². «Всякая сущность, единая сама по себе, не нуждается даже в языке: она *едина*... но будучи в рассеянном, разбросанном состоянии во времени и пространстве, каждая частица одного и того же вещества жизни стремится, преодолевая разделяющее пространство и время, достигнуть другой такой брошенной в мир

² В.И. Вернадский (1863–1945), русский и советский ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, академик АН СССР, один из основателей и первый президент Украинской академии наук и ее библиотеки (ныне Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского), создатель научных школ, один из представителей «русского космизма»; создатель науки биогеохимии, теории о ноосфере.

и в посев частицы вещества и дает знать о себе своей формой... каждая частица вещества соединяется в единстве со всем веществом, наполняющим вечность» [3, т. 8, с. 579].

В творчестве М.М. Пришвина актуализируется прежде всего единство природно-телесного мира, связь «души-телесности», гена материи с человеком. Идеалом органической целостности представляется природа с ее иерархическим единением множества в структуре целого: «Дереву назначено стоять на корнях и расти вверх, животному двигаться, человеку же и стоять, и расти вверх,

и двигаться, и особенно, как человеку, обнимать все сущее сознанием» [3, т. 8, с. 382]. Писателю дано чувствовать какое-то, по его собственному определению, «родственное внимание» ко всему окружающему в лесу, в поле, на реке, на охоте: «Бывает в лесу коснется меня что-нибудь, и я обращу на это внимание, пожалуй, удивлюсь и обрадуюсь, и тогда мне хочется это лесное событие связать с жизнью всего леса, а, может быть, и всего мира, всего целого» [3, т. 8, с. 358].

Каждая вещь мыслится как часть космогонического процесса, как индивидуальная проекция всеобщего: «Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу. Вся природа содержится в душе человека. Но в природе не весь человек. Какая-то ведущая часть человека, владеющая словом, вышла за пределы природы и теперь больше и дальше ее. Только оглянувшись назад, в свое прошлое, человек в зеркале своем видит собственную природу» [3, т. 5, с. 431].

Писатель не принимает границ, отделяющих человека от природы, ибо человек существует не на фоне природы, а внутри. И как жалок, по его мнению, современный мир, утративший не только глубинное онтологическое чувство природного единства, но и реальную включенность в структуру органической целостности. Это, в его представлении, одна из непростительных цивилизационных утрат. Эта в пришвинском дискурсе оппозиция индивидуального и универсального нередко снимается или ослабляется, ибо каждая индивидуальность необходима в пространстве универсума, все включено в космогонический целостный процесс.

В произведениях писателя нет границы между органическим и неорганическим, между живой и неживой природой, на всем печать единства. В повести «Жень-шень» бьется сердце камня в едином ритме с

израненным сердцем героя-охотника: «После того я лег на камень и долго слушал; этот камень-сердце по-своему бился, и мало-помалу все вокруг через это сердце вступило со мною в связь, и все было мне как мое, как живое. Мало-помалу выученное в книгах о жизни природы, что все отдельно, люди — это люди, животные — только животные, и растения, и мертвые камни — все это, взятое из книг, не свое, как бы расплавилось, и все мне стало как свое, и все на свете стало, как люди: камни, водоросли, прибой и бакланы, просушивающие свои крылья на камнях совершенно так же, как после лова рыбаки сети просушивают» [3, т. 4, с. 19].

М.М. Пришвин дает удивительное определение феномену жизни: «...жизнь есть единство, и не только событие, но каждый случай в ней есть явление целого» [3, т. 8, с. 241], и «человек существует на земле вовсе не из-за себя, а для единства» [3, т. 8, с. 244].

Писатель ставил перед собой реальную цель — трудиться не покладая рук «из-за желания быть вместе с людьми» [3, т. 8, с. 244] для того, чтобы и самому «быть как все», узнавать себя в жизни других людей, быть в органической связи со всем миром: с природой, народом, Россией, быть в потоке единого космического сознания, в потоке времени, стремящегося к вечности, означало для М.М. Пришвина «быть самим собой», «понять себя в единстве».

Но это совсем не означало разрушения «внутреннего человека». Наоборот, многогранное «Я» потенциально и реально тяготеет к диалогу с «Другим» — все существует в симфоническом единстве. И тогда радость жизни определяется качественным разнообразием: «...и птица пищит, и зверь рычит, все во всем, в каждом

звуче весь ответ на вопрос. Я спрашиваю и соединяю все во всем, мой вопрос — ваше соединение, я вас связываю и спрашиваю — для чего вы живете, и вы вместе отвечаете мне» [3, т. 8, с. 123].

Любопытно, что М.М. Пришвин себя и писателем не считал, а лишь «деятелем общения и связи». В этом он видел смысл жизни, возможность дальнейшей эволюции человека и мира: «Если бы человек в утробе рождающей матери не носил в себе единство всего рожденного и общей цели, то смерть означала бы полную бессмысленность жизни, и мы бы давно уничтожили друг друга, как уничтожают себя прирожденные преступники или пауки, заключенные в одном стакане» [3, т. 8, с. 280].

Связь всего со всем есть сила излучения добра, энергия, которая животворит все проявления жизни, духовные и материальные, — в диалоге «Я» с «Другим», в культуре, творчестве, в социуме. Эта энергия целостности мира неуловима и таинственна, но писатель умеет читать сакральные знаки, в том числе и в жизни всевластных природных стихий. Он как никто понимал их язык. Особенно близкой была ему волшебница-вода, обнимающая жизнь и дарующая ей бесконечные возможности. Общим местом в пришвиноведении стало утверждение, что Пришвин — «певец природы». И это так, но правда заключается еще и в том, что он был прежде всего певцом водной стихии. Образ воды символизирует время («капли-мгновения» и «океан-вечность»), любовь «земную и небесную», бесконечность, свободу, но самое главное — живой одухотворенный источник всеобщего родства. «Никто в природе так не затаивается, как вода, и только перед большой и радостной зарей бывает так на сердце человека: притаишься, соберешься, и как будто сумел, достал себя из той глубины, где есть проток в мир всеобщего родства...» [1, т. 5, с. 30].

Сила воды, объединяющая весь мир, звучит как животворящая песня в «Неодетой весне», в романе

М.М. Пришвин в Дунине (1952–1953 гг.)

«Осударева дорога» вода выступает в качестве главного текстопорождающего символа, подчеркивающего, что она «была колыбелью жизни, все вышло из воды, и выходит, и будет жить, пока будет вода на земле» [3, т. 6, с. 174].

Грандиозный образ водопада, в котором писатель обнаруживает модель Всеединства, ту слиянность капель в единую «форму воды», завершает первый очерк «В краю непуганых птиц» и одновременно открывает целый ряд вариантов этого символа в прозе художника: «Есть что-то общее в этом гуле Невского проспекта с гулом тех трех водопадов, который мне пришлось слушать на каменном острове между елями. Там боже-

ственная красота падающей воды стала понятна только после довольно долгого всматривания в отдельные брызги, в отдельно танцующие в тихих местах столбики пены, когда все они своим разнообразием сказали о единой таинственной жизни водопада. Так же и тут... Гул и хаос! Темная масса спешит, бежит, движется вперед и назад... вдруг становится легко, разделяющая линия больше не нужна, все понятно. Это не толпа, это не отдельные люди. Это глубина души одного гигантского существа, похожего на человека. Мелькают, сменяются его желания, стремления, ощущения. Но само неведомое существо спокойно шагает вперед и вперед» [3, т. 1, с. 180].

Культура предстает как материализация всеобщей связи народов во времени и пространстве, и поэтому писателю так важно отдать свое «елецкое слово» в мир общего понимания. Водопад, океан, цветок ромашки с желтой солнечной серединой, крошечный птичик на верхушке огромного дерева, поющий о весне, журавль, выкликающий солнце — рождает эту грандиозную симфонию единства бытия, духовную силу космической гармонии. Главное здесь — возможность найти эти силы для восстановления утраченного родства между чужими людьми, и поэтому для художника «история культуры есть история роста этой связи» [3, т. 8, с. 541].

Но самый важный, самый дорогой для писателя — образ мира как целого: «мои выводы-образы, и самый большой вывод, самый большой образ — это мир, как целое и смысл всех вещей в отношении к этому целому... сохраняется только человек, осознающий себя частью целого» [3, т. 8, с. 345–346].

Вечность и бессмертие для М.М. Пришвина возможны только при условии, что человек — душа мира — чувствует свою ответственность в сохранении этой необхо-

димой целостности, когда жизнь заполняет собою весь мир: «все мое и я во всем». Личность в своем творчестве духовно возрастает, преобразуя себя в пространстве мысли, слова, сознания.

М.М. Пришвин был человеком космического мироощущения, готовый идти в будущее дорогой Всеединства. Недаром философ, литературовед Г.Д. Гачев справедливо отметил: главный «урок Пришвина, что... каждый человек может открыть и собрать, сообразить себе Всеединство и Вселенную: жить в ней и описать, и ею питать душу свою, поддерживать во благе и долгожитии. А потом окажется, что и всех это питает, всем подкрепа» [6, с. 103].

Список источников

1. Пришвин М.М. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края с 66-ю рисунками по снимкам с натуры автора и П.П. Ползунова. Санкт-Петербург : Изд. А.Ф. Девриена, [1907 г.] 325 с.

2. Пришвин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. [Москва] ; [Ленинград] : Гос. изд-во, [1927–1930].

3. Пришвин М. Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Художественная литература, 1982–1986. Т. 8. С. 19. Далее в тексте это издание цитируется с указанием томов и страниц.

4. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. Москва : Республика, 1992. 400 с.

5. Пришвин М. Ранний дневник. 1905–1913 // Дневники. Санкт-Петербург : Росток, 2007. 555 с.

6. Гачев Г. Пришвин // Русская дума. Портреты русских мыслителей. Москва : Новости, 1991. 304 с.

Иллюстрации предоставлены автором

Сбор заявок на дополнительные тиражи книг

Уважаемые коллеги!

Издательство Российской государственной библиотеки «Пашков дом» объявляет сбор заявок на дополнительные тиражи книг:

• **Долгодрова Т.А.** Каталог переплетов Якоба Краузе и мастеров его круга. Ч. 2. 512 с. : ил. (Коллекция Российской государственной библиотеки).

В отделе редких книг РГБ хранится единое монолитное собрание переплетов самого прославленного немецкого переплетчика XVI в. Якоба Краузе (1526/27–1585). Вторая часть каталога посвящена описанию 255 переплетов работы Якоба Краузе, его ученика Каспара Мойзера (1550–1593) и мастеров его круга.

• **Глинка Ф.Н.** Молись, душа! / [сост. и авт. послесл. В.П. Зверев]. 743 с. : ил.

Впервые современный читатель сможет познакомиться в полном объеме с уникальными произведениями поэта, которые были изданы только в XIX в. и рассеялись по страницам русских литературных альманахов и журналов, а некоторые и совсем не были опубликованы.

• **Газета «Русь» 1880–1886 годов** : [коллективная монография] / [редкол.: В.Н. Аношкина и др. ; сост. ч. 1 С.А. Мухина]. 582 с.

Первая часть представляет собой роспись газеты по годам издания, дающую полное представление о ее содержании. Во вторую часть вошли статьи специалистов о проблематике газетных публикаций, об издателе и редакторе газеты И.С. Аксакове и других активных участниках общественной жизни России той поры.

Справки и заказ изданий:

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Российская государственная библиотека, Отдел книжных изданий
+7 (499) 557-04-70, доб. 25-72; Pashkov.Dom.Book@rsl.ru
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom